

УДК 791.43-22+7.038.6

DOI:10.24411/2658-3437-2019-11018

Рыков Анатолий Владимирович, доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор. Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7–9. 199034. anatoliy.rikov.78@mail.ru

Rykov, Anatolii Vladimirovich, Full Doctor in Philosophy, PhD in Art History, professor. Saint Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7–9, 199034 Saint Petersburg, Russian Federation. anatoliy.rikov.78@mail.ru

СТРУКТУРЫ И ДЕМОНЫ. «ВОЛГА-ВОЛГА» 2006 ГОДА

STRUCTURES AND DEMONS. "VOLGA-VOLGA" (2006)

Аннотация. Статья посвящена фильму Андрея Сильвестрова и Павла Лабазова «Волга-Волга» (2006) — ремейку известной кинокомедии Григория Александрова. Произведение рассматривается в качестве одного из самых ярких образцов метода деконструкции не только в отечественном, но и в мировом искусстве. Автор анализирует современную «Волгу-Волгу» с точки зрения новейших интерпретаций сталинской культуры и традиции фантастического искусства (от маньеризма до сюрреализма). Особое внимание уделяется романтическим и авангардистским коннотациям фильма. Автор приходит к выводу, что значение новой версии «Волги-Волги» выходит далеко за рамки отечественного исторического и художественного контекста.

Ключевые слова: Андрей Сильвестров; Павел Лабазов; Владислав Мамышев-Монро; деконструкция; Григорий Александров; авангард; сталинская культура; кинокомедия «Волга-Волга».

Abstract. The focus of the study was on the film "Volga-Volga" by Andrei Silvestrov and Pavel Labazov (2006), a remake of the famous comedy film by Grigory Alexandrov. The author considered the work as one of the most striking examples of the deconstruction method, not only in Russian but also in the world art. The author analyzed the contemporary version of "Volga-Volga" from the point of view of the latest interpretations of Stalinist culture and traditions of fantastic art (from Mannerism to Surrealism). The researcher paid special attention to the romantic and avant-garde connotations of the film. The author concluded that the significance of the new version of the "Volga-Volga" film goes far beyond the framework of the national historical and art contexts.

Keywords: Andrei Silvestrov; Pavel Labazov; Vladislav Mamychev-Monroe; deconstruction; Grigory Aleksandrov; avant-garde; Stalinist culture; comedy film "Volga-Volga".

Фильм Андрея Сильвестрова и Павла Лабазова «Волга-Волга» (2006), ремейк известной сталинской кинокомедии Григория Александрова, вполне может претендовать на статус классического для истории отечественного искусства произведения. Более того, примененный в данной работе метод деконструкции позволяет рассматривать этот ремейк в качестве знакового для целой эпохи в развитии искусства явления. Кинокартина, получившая премию Кандинского, к сожалению, была практически лишена внимания со стороны критики и научного сообщества [9].

Карнавал. Оба варианта фильма «Волга-Волга» — замечательная пародия на теорию низовой, карнавальской культуры Михаила Бахтина. У Бориса Гройса есть статья «Тоталитаризм карнавала» [3; см. также: 2], указывающая на часто упускаемую из виду близость всемирно известного советского философа и литературоведа к господствовавшим в сталинской культуре мифам. В обоих фильмах «коллективное тело» народного творчества преследует и пытается поглотить носителя «репрессивного», «официального» слова бюрократа Бывалова. В «Волге-Волге» 2006 г. хтоническая природа этой стихии «низовой» культуры и ее тоталитарный характер уже вполне очевидны. Поскольку Бахтин стоял у истоков всей современной гуманитарной науки на Западе, его «разоблачение», «привязка» его творчества к сталинской культуре в определенной мере означает проблематизацию всех стереотипов западной культурной политики начала XXI в., в том числе и восходящих к Бахтину постструктуралистских практик. Это тем более парадоксально, что сам фильм «Волга-Волга» 2006 г. создан в жанре деконструкции.

Карнавализация подразумевает отказ от однозначной социальной или авторской идентичности. В современной «Волге-Волге» эта проблема решается почти в лакановском духе. Все ключевые темы фильма — ложный энтузиазм, ложная идентичность, безумие, идиотизм — являются изобретениями романтизма. Уже на рубеже XVIII–XIX вв. романтизм не только создает амплуа гения, но и деконструирует личность как таковую («Люцинда» Фридриха Шлегеля, «Портреты умалишенных» Жерико). Иллюзорность «я» — одна из главных романтических тем, равно как и тема «народного бессознательного», «коллективного тела». Образы коллективного буйства, танца, умопомешательства, ритуала, первобытной игры инстинктов мы находим в творчестве Гойи и Домье. «Волга-Волга», следовательно, не выходит из круга про-

блем романтической эпохи. Ее сверхзадачей является деконструкция романтических стереотипов, пафоса, «прямой речи».

Медиа-пространство. Оба варианта картины — 1938 г. и 2006 г. — это медиа-пространства, напоминающие «Культуру Два» Владимира Паперного [7]. Пространства лозунгов, брендов, публичных карьер, пиара. В рамках этого медиа-пространства воспринимаются и искусство, и политика, и авангард, и массовая культура. К примеру, Андрей Сильвестров работал с этой проблематикой и в других своих фильмах — «Прорубь», «Бирмингемский орнамент» (в соавторстве с Юрием Лейдерманом). При этом образ сталинского медиа-пространства оказывается удивительно современным и в то же время насыщенным романтическими коннотациями. Творческая личность в нем представляется медиумом высших сил. По ходу действия фильма, по мере приближения его героев к Москве, власть этого медиа-пространства становится все более очевидной. В этих условиях вопрос об авторстве новой «Песни о Волге» теряет свой смысл. Автор — народ, эпоха, «радость жизни» сталинского тоталитаризма, «массовая культура», скрывающаяся под маской «народности». Флюиды «народности» дано уловить не каждому: рационально мыслящий чиновник терпит поражение в борьбе за медиа-пространство по причине своей невосприимчивости к «народному» сталинскому постмодерну, стихии «народного творчества».

Демонология. Демонология, в скрытом виде присутствовавшая в постмодернистской макабрной комедии Григория Александрова, снятой в период непрерывного террора и имитировавшей стереотипы сталинской культурной политики, выходит на первый план в новой «Волге-Волге» А. Сильвестрова и П. Лабазова, в особенности, в хтоническом образе главной героини Стрелки-письмоносицы в исполнении В. Мамышева-Монро. Своими неосторожными высказываниями об отсутствии талантов в провинциальном Мелководске товарищ Бывалов разбудил демоническую стихию «народного творчества», оказавшись в ситуации гоголевского Хомы Брута. Сцены самодеятельного искусства, сливающиеся в бесконечный кошмарный перформанс, превращают ремейк «Волги-Волги» в символизирующий таинственную русскую душу хоррор. «Дух музыки», иррациональная, творческая стихия, преследующая чиновника, может быть названа также сектантской стихией, мифологизация которой составляла одну из ключевых тем русской культуры Серебряного века [10].

«Демонический» компонент «Волги-Волги» связан с атмосферой репрессий, в которой создавалась эта музыкальная кинокомедия. Этот аспект зафиксирован в воспоминаниях современников/авторов фильма, работах киноведа [8], «личных расследованиях» В. Мамышева-Монро, касающихся личности Любови Орловой. Но репрессивное или демоническое начало в обоих вариантах фильма не тождественно государственному началу. Именно бюрократ, по сути, является единственным «частным человеком» в картине, пытающимся всеми способами отгородиться от окружающей действительности. Только он обладает «субъективностью». «Нормальность» бюрократа противопоставит трансгрессивной авангардистской демонологии, и мы в данном случае сочувствуем этой «оказавшийся в меньшинстве» буржуазной норме.

Форсированная мимика в образе Мамышева-Монро, играющего одновременно Любовью Орлову и ее героиню Стрелку, также отсылает к проблематике демонического в искусстве XIX в. (Гойя, Домье, Тулуз-Лотрек) [6, с. 132–134]. «Волга-Волга» принадлежит традиции фантастического искусства, идущей от Босха, Брейгеля, маньеризма, барокко к современному искусству. Неестественная посадка головы Стрелки в новой версии фильма (впечатление, возникающее от монтажного соединения головы Мамышева-Монро с туловищем Любови Орловой) — типичный маньеристический прием («Мадонна с длинной шеей» Пармиджанино, «Одиссей и Пенелопа» и «Св. Семейство со св. Елизаветой» Приматиччо). Эта «коллажность» также имеет двойственное звучание, одновременно ассоциируясь с модернистской техникой и архаической темой оборотня.

Авангард. Уже «Волга-Волга» 1938 г. активно использует основную мифологию авангарда — противостояние официальной, «высокой» культуре с привлечением нетрадиционных форм самовыражения. Это «поставангардное» произведение сталинской культуры, возможно, разоблачающее не только «официальную культуру», но и «народный авангард». Во второй «Волге-Волге» вся эта «авангардистская» проблематика сохранена и акцентирована (фильм содержит множество аллюзий на современное искусство от сюрреализма до поп-механики Сергея Курехина). Искусство интересует авторов как нечто деструктивное, бессмысленное, архаическое. Это авангардистская тема, восходящая к романтической категории возвышенного. В то же время идея самостоятельного искусства, перерастающая в некую

сюрреальность, воплощает вагнеровскую концепцию единства художника и народа в новых синтетических формах творчества (*Gesamtkunstwerk*) [1; 4; 5]. Образ главной героини фильма 2006 г. — порождение биологической лаборатории авангарда, это ищущий любви Франкенштейн, мутант-трансгендер, напоминающий печальных полулюдей-полурастения Одилона Редона, героев Филонова, персонажи Натальи Гончаровой или Елены Фигуриной.

Ремейк «Волги-Волги» учит нас заключать в кавычки как слово «вдохновение», так и слова «теория» и «идеология». Он демонстрирует тактичное отношение к искусству прошлого. Во многом создатели фильма преследовали искусствоведческие цели, деконструируя классическое произведение советского кино. Кинорежиссеры анализируют романтический, точнее популистский образ творчества, при этом проводится важная дифференциация между искусством и политикой, сталинской эпохой и конкретным примером культурной продукции того времени. «Волга-Волга» 1938 г. рассматривается как многоуровневое целое с мощным пародийным, «постмодернистским» слоем. Новая интерпретация учитывает скрытые смыслы этой работы, усиливает их, позволяет им раскрыться. В этом эксплицировании импликаций, заложенных в самом оригинале, и заключается значение механизма деконструкции.

Не отрицая всю важность «контекстного» прочтения обоих фильмов, привязывающих их проблематику к «большому террору», хотелось бы подчеркнуть, что современная версия знаменитого сталинского кинофильма может быть рассмотрена и в совершенно ином плане — истории и предистории деконструктивистских стратегий в западном искусстве (от эпохи маньеризма до творчества Синди Шерман). В данном кинопроизведении мы находим новое обращение к романтическим и проторомантическим темам «критики идентичности», образу ложного энтузиазма, безумия, идиотизма, мутации и низших форм жизни — темам, ключевым и для художественной продукции авангарда. Таким образом, постановка вопроса о массовой культуре, популизме и искусстве (в его отношении к другим видам деятельности) приобретает в фильме Андрея Сильвестрова и Павла Лабазова необходимые масштабность и остроту. «Что такое искусство?» — вот тема этого произведения, и «ответ» на этот вопрос в данном случае лишен какой бы то ни было однозначности или успокаивающей простоты.

Список литературы:

1. Вагнер Р. Произведение искусства будущего // Вагнер Р. Избранные работы. М.: Искусство, 1978. С. 142–261.
2. Гройс Б. Ницшеанские мотивы в советской культуре 30-х годов // Бахтинский сборник. Вып. 2. М.: Лабиринт, 1992. С. 104–126.
3. Гройс Б. Тоталитаризм карнавала // Бахтинский сборник. Вып. 3. М.: Лабиринт, 1997. С. 76–80.
4. Гройс Б. Искусство утопии. *Gesamtkunstwerk* Сталин. Статьи. М.: Художественный журнал, 2003. 320 с.
5. Добренко Е. Политэкономию соцреализма. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 592 с.
6. Зедльмайр Х. Утрата середины. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 640 с.
7. Паперный В. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 408 с.
8. Салис Р. Нам уже не до смеха. Музыкальные кинокомедии Григория Александрова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 360 с.
9. Шиянов М. «Волга-Волга» Мамышева-Монро: недооцененный ремейк мрачной комедии // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20130423/934067958.html> (дата обращения: 10.12.2018)
10. Эткнд А. Хлыст: Секты, литература и революция. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 644 с.

References:

- Dobrenko E. *Politekhonomiia sotsrealizma (Political Economy of Socialist Realism)*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 592 p. (in Russian)
- Etkind A. *Khlyst: Sekty, literatura i revoliutsiia (Khlyst: Sects, Literature and Revolution)*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 644 p. (in Russian)
- Groys B. *Iskusstvo utopii. Gesamtkunstwerk Stalin. Stat'i (Art of Utopia. Gesamtkunstwerk Stalin. Articles)*. Moscow, Khudozhestvennyi zhurnal Publ., 2003. 320 p. (in Russian)
- Groys B. *Nitscheanskii motivy v sovetskoi kul'ture 30-kh godov (Nietzschean Motifs in the Soviet Culture of the 1930s)*. *Bakhtinskii sbornik (Bakhtin's collection)*, issue 2, Moscow, Labirint Publ., 1992, pp. 104–126. (in Russian)
- Groys B. *Totalitarizm karnavala (Totalitarianism of Carnival)*. *Bakhtinskii sbornik (Bakhtin's collection)*, issue 2, Moscow, Labirint Publ., 1997, pp. 76–80. (in Russian)
- Paperny V. *Kul'tura Dva (Culture 2)*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 408 p. (in Russian)
- Salis R. *Nam uzhe ne do smekha. Muzykal'nye kinokomedii Grigoriia Aleksandrova (We no Longer Laugh. Musical Comedies of Grigory Alexandrov)*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 360 p. (in Russian)
- Sedlmayr H. *Utrata serediny (Loss of the Center)*. Moscow, Progress-traditsiia Publ., 2008. 640 p. (in Russian)
- Shiianov M. "Volga-Volga" Mamysheva-Monro: nedootsenennyi remeik mrachnoi komedii ("Volga-Volga" by Mamyshev-Monroe: an Underrated Remake of the Grim Comedy). *RIA News*. Available at: <https://ria.ru/20130423/934067958.html> (accessed: 10.12.2018) (in Russian)
- Wagner R. *Proizvedenie iskusstva budushchego (Art Works of the Future)*. *Izbrannyye raboty (Collected works)*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978, pp. 142–261. (in Russian)